

Научная статья / Original research article
УДК 316.472
DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21>
EDN: OQDVTD

Легитимация и институционализация цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа

А. Э. Гапич*, А. В. Шаповалов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

*eversor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессов легитимации и институционализации цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа, рассматриваемых как ключевой фактор трансформации гражданского участия в условиях гибридной институциональной среды. Опираясь на результаты масштабного социологического исследования, реализованного во всех субъектах макрорегиона, авторы реконструируют сложную архитектуру политической социализации цифрового поколения. В работе эмпирически и теоретически обосновывается феномен «цифровой немоты», понимаемый как устойчивый разрыв между высокой латентной вовлеченностью в информационную повестку и низкой готовностью к открытому публичному высказыванию. Показано, что этот феномен формируется на пересечении восприятия цифровых рисков, дефицита институционально защищенных каналов артикуляции и социокультурных ограничений публичной субъектности молодежи. Особое внимание уделено верификации гипотезы о компенсаторной природе цифрового активизма, согласно которой сетевое пространство выступает альтернативным каналом сублимации гражданского запроса для социальных групп, исключенных из официальных контуров молодежной политики. Результаты исследования актуализируют необходимость пересмотра подходов к правовому регулированию цифровой среды с целью преодоления дивергенции между официальными и сетевыми треками социализации и создания условий для безопасной конвертации технологического потенциала молодежи в конструктивное гражданское сотворчество.

Благодарности: Статья выполнена в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь, цифровая политическая активность, легитимация, институционализация, социальные медиа, цифровая немота, компенсаторный активизм, правовое регулирование, гражданская идентичность

Для цитирования: Гапич, А. Э. Легитимация и институционализация цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа / А. Э. Гапич, А. В. Шаповалов. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 7–21. – EDN: OQDVTD

Legitimization and institutionalization of digital forms of political activity of North Caucasus youth

Alexander E. Gapich*, Alexey V. Shapovalov

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

*alex-shapoval@yandex.ru

Abstract. This article examines how digital forms of political activity among youth in the North Caucasus gain legitimacy and become institutionalized. It treats these processes as a key factor shaping the transformation of civic participation in a hybrid institutional environment. Drawing on a large-scale sociological study conducted across all regions of the macroregion, the authors reconstruct the complex patterns of political socialization within the digital generation. The work empirically and theoretically argues the phenomenon of “digital muteness”, which describes a stable gap between high hidden engagement with the information agenda and a low willingness to speak publicly. The authors show that this phenomenon emerges from the combined effects of perceived digital risks, a deficit of institutionally protected channels for expression, and sociocultural limitations of the public subjectivity of youth. The authors focus on the verification of the hypothesis that digital activism has a compensatory nature. Under this hypothesis, online space provides an alternative channel for expressing civic demands, especially for groups excluded from official youth policy frameworks. The results highlight the need to rethink legal regulation of the digital environment. They aim to overcome the divergence between official and online paths of socialization and creating conditions that help young people turn their technological potential into constructive civic co-creation.

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the implementation of state assignment FSRN-2025-0010 «Marking and classification of political orientations of North Caucasus youth in social media» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Keywords: intergenerational solidarity, higher education, university community, research and pedagogical staff, administrative staff, conflict

For citation: Gapich, A. E., Shapovalov, A.V. (2026). Legitimization and institutionalization of digital forms of political activity of North Caucasus youth. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 7-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21>

Введение

В современной политической и правовой науке назрела необходимость концептуального переосмысления роли цифровых платформ, эволюционировавших в условиях российских реалий из простых каналов трансляции информации в самостоятельную институциональную среду. Именно в цифровой среде сегодня формируются новые нормы публичной коммуникации, механизмы признания и санкционирования, а также рамки восприятия политических процессов [1]. Социальные медиа фактически превратились в пространство острой конкуренции, в котором традиционные институты социализации сталкиваются с горизонтальными сетевыми структурами и алгоритмически детерминированными формами мобилизации, фундаментально меняя архитектуру политических предпочтений молодежи.

В этой аналитической оптике исследовательский фокус закономерно смещается от фиксации статичных установок к анализу динамических процессов. Ключевым становится понимание того, как в потоке цифровых коммуникаций производятся основания допустимости политического участия и как эти эфемерные практики обретают устойчивые организационные и процедурные формы [2].

Подобный переход осуществляется через деятельность лидеров мнений, формирование новых репертуаров коллективных действий и адаптацию к инфраструктурным ограничениям самих платформ.

Особую эвристическую ценность эта проблема приобретает в контексте Северо-Кавказского макрорегиона. Здесь политические ориентации молодежи, отягощенные сложным переплетением социокультурных и этноконфессиональных идентичностей, не поддаются линейному измерению [3]. Они требуют реконструкции как многомерного феномена, собираемого по распределенным «цифровым следам», что предполагает синтез когнитивных механизмов, дискурсивных режимов и сетевой архитектуры.

Принципиально важным представляется и нормативно-правовое измерение проблемы. Институционализация цифровой активности неизбежно входит в противоречие с регулированием интернет-среды, порождая дилемму баланса между государственным императивом и сетевым саморегулированием. В отечественной юридической доктрине этот вызов осмысляется через призму пределов правового воздействия на цифровую реальность, развитие институтов информационной среды и трансформацию нормативного контура цифровой экономики [4]. Для настоящего исследования этот контекст является определяющим. Так, легитимация цифровой политики происходит не в вакууме коммуникации, а в зоне высокого напряжения на пересечении платформенных алгоритмов, практик модерации, государственных цифровых сервисов и трансформирующихся правовых ожиданий молодежи.

Таким образом, предлагаемый материал призван стать концептуальным мостом между эмпирически наблюдаемыми цифровыми практиками и теоретическим осмыслением механизмов их закрепления в устойчивые институциональные форматы. Такой подход позволяет не только диагностировать текущее состояние политической субъектности молодежи, но и интегрировать политологический анализ в широкое поле правовых и социологических дискуссий, обеспечивая результатам исследования высокую научную релевантность и прогностический потенциал.

Категории «легитимация» и «институционализация» в контексте цифровой политики используются в настоящем исследовании как взаимосвязанные, но не тождественные аналитические измерения цифровой политической активности. Бинарность этой конструкции понимается не как жесткая дихотомия и не как противопоставление двух взаимоисключающих состояний, но как выделение двух осей анализа одного и того же процесса [5]. Первая ось связана с легитимацией и фиксирует степень нормативно-ценностного, символического и группово-коммуникативного признания тех или иных цифровых практик в качестве допустимых, оправданных и социально нормальных форм публичного действия. Вторая ось связана с институционализацией и отражает степень закрепления этих практик в устойчивых правилах, повторяющихся форматах участия, механизмах координации, сетевой саморегуляции и, в предельном случае, в формально-правовых режимах.

Подобное разграничение позволяет рассматривать легитимацию и институционализацию не как линейно следующие друг за другом стадии, а как континуум возможных сочетаний. В одних случаях легитимация действительно выступает условием последующей институционализации, когда общественно признаваемая практика постепенно получает организационное и нормативное оформление. Однако возможны и иные конфигурации. В частности, определенные формы цифровой самоорганизации могут приобретать устойчивость, повторяемость и внутренние правила координации при дефиците широкой внешней легитимации. Именно поэтому для анализа цифровой политической активности молодежи принципиально важно различать легитимированные, но слабо институционализированные практики, и, напротив, институционализирующиеся, но лишь частично легитимированные формы сетевого участия.

Для российской действительности этот дуализм приобретает особую остроту в свете динамичной трансформации правового поля. Как справедливо указывает Э. В. Талапина, интернет как объект регулирования находится в состоянии перманентного поиска баланса между государственным императивом и механизмами самоорганизации, а также между национальным суверенитетом и транснациональной природой сети [6]. Согласно концепции Т. Я. Хабриевой эта коллизия свидетельствует о становлении новой цифровой реальности, не просто дополняющей, но трансформирующей базовые социальные институты, требуя фундаментальной пересборки правовых подходов к регулированию общественных отношений [4]. Доктринальный фундамент для осмысления этих процессов заложен в трудах И. Л. Бачило, систематизировавшей развитие информационного права как ответа на вызовы технологической революции [7].

Важным понятийным узлом настоящего исследования выступает феномен «цифровой немоты», который в рамках анализа цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа требует специальной теоретической проработки. В рабочем определении под цифровой немотой понимается не отсутствие интереса к общественно-политической повестке и не полное выпадение субъекта из цифровой коммуникации, а устойчивый разрыв между включенностью в информационное пространство и готовностью к открытому публичному высказыванию в нем. Речь идет о таком состоянии цифровой среды, при котором субъект активно потребляет политически значимую информацию, может быть включен в обсуждение на уровне наблюдения, лайков, скрытых реакций, локальных комментариев или закрытых коммуникационных контуров, однако избегает артикулированного, авторизованного и социально различимого публичного выражения собственной позиции.

Теоретически цифровая немота формируется на пересечении как минимум трех групп факторов. Во-первых, она представляет собой рискогенный фактор, связанный с восприятием цифровой среды как пространства потенциальной уязвимости, цифрового следа, санкций, стигматизации или небезопасности публичного высказывания. Во-вторых, структурно-институциональный фактор, выражающийся в слабой представ-

ленности понятных, социально признанных и защищенных каналов включения молодежи в публичное обсуждение общественно-политических вопросов. В-третьих, это социокультурный фактор, обусловленный спецификой нормативной среды, в которой публичная артикуляция позиции молодежью может сталкиваться с ограничениями, вытекающими из высокой значимости репутации, статусной иерархии, межпоколенческого контроля, а также повышенной чувствительности к пересечению личного, семейного и общественного измерений высказывания.

Следовательно, цифровая немота интерпретируется в статье не как индивидуально-психологическая черта и не как простая коммуникативная пассивность, а как социально производимое состояние ограниченной публичной субъектности. В ней сочетаются информированность без артикуляции, включенность без публичного авторства и наличие гражданского запроса без безопасных и легитимных каналов его выражения. Именно в таком качестве феномен цифровой немоты позволяет объяснить, почему в молодежной среде Северного Кавказа цифровая инфраструктура уже стала повседневной средой политического информирования, но еще не стала в полной мере легитимным и институционально защищенным пространством открытого гражданского высказывания.

При этом цифровая политическая активность молодежи Северного Кавказа не может интерпретироваться исключительно как результат действия универсальных платформенных или правовых механизмов. Макрорегион представляет собой внутренне неоднородное пространство, в котором общие цифровые инфраструктуры накладываются на различные режимы нормативного контроля, репутационного давления, семейной регуляции и символических ожиданий. В этой связи правовые, платформенные и социокультурные факторы цифрового участия не следует смешивать в единую причинную модель. Если правовые ограничения связаны с восприятием санкций, неопределенности и уязвимости публичного высказывания, платформенные — с архитектурой видимости, цифровым следом и алгоритмической логикой распространения контента, то культурные факторы выражаются в плотности неформального социального контроля, значимости авторитета семьи, репутационных рисках и специфике допустимых границ публичности. Для регионов Северного Кавказа такая дифференциация особенно важна, поскольку одна и та же внешне наблюдаемая практика сдержанного цифрового поведения может иметь различную социальную природу. Так, в одних случаях она объясняется риском институционального санкционирования, в других же может быть обусловлена давлением семейно-родовых норм.

В политологическом измерении проблема усугубляется тем, что цифровые коммуникации окончательно утратили статус внешнего медиаканала и эволюционировали в самостоятельную инфраструктуру производства политического опыта. В отечественной политической науке этот сдвиг фиксируется через развитие теории политической коммуникации [8] и концептуализацию феномена цифрового гражданства [9] как новой

совокупности практик потребления информации и гражданского участия. Эмпирические исследования подтверждают тезис, согласно которому социальные сети стали ключевым инструментом мобилизации, способным структурировать коллективные действия через механизмы символической координации.

Несмотря на обилие исследований цифрового активизма, в научном поле по-прежнему остается существенный пробел. Современному дискурсу недостает работ, способных свести в единую аналитическую модель связь между микропрактиками сетевого поведения и макроуровнем правового регулирования, а также понимание легитимации не как разрешения «сверху», а как процесса внутреннего вызревания нормы участия. Кроме того, весьма актуальным представляется и учет уникального контекста Северного Кавказа, где любые общероссийские тренды неизбежно трансформируются под влиянием сложной этнокультурной специфики.

Исходя из этого, цель настоящей статьи заключается в реконструкции механизмов легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа. Исследование призвано продемонстрировать, каким образом когнитивные установки и медиапрактики нового поколения интегрируются в дискурсивные стратегии нормализации участия и адаптируются к меняющимся институционально-правовым рамкам цифровой публичности. Политологическая суть проблемы кроется в изменении статуса цифровых коммуникаций. Они перестали быть внешней надстройкой над политикой и превратились в ее фундамент. Именно внутри этой цифровой инфраструктуры сегодня создается политический опыт, аккумулируется доверие и запускаются механизмы (де)легитимации.

Материалы и методы

Эмпирический фундамент работы сформирован на основе данных масштабного социологического исследования, реализованного во всех семи субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Объектом наблюдения выступила молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Общий объем выборочной совокупности составил 2 356 респондентов. Распределение респондентов по СКФО следующее: Республика Дагестан — 745, Чеченская Республика — 360, Республика Ингушетия — 122, Кабардино-Балкарская Республика — 208, Карачаево-Черкесская Республика — 107, Республика Северная Осетия — Алания — 155, Ставропольский край — 659. Структура выборки формировалась по многоступенчатой стратифицированной схеме. На первом этапе осуществлялось квотирование по субъектам СКФО на основании официальных статистических данных, на втором — стратификация по полу и возрастным группам, обеспечив сопоставимость региональных сегментов и репрезентативность по ключевым социально-демографическим параметрам.

Сбор первичной социологической информации выполнялся посредством технологии веб-анкетирования CAWI на базе платформы «Анкетолог». Процедура верификации данных носила многоступенчатый характер. Валидность инструментария под-

тверждена на этапе предварительного пилотажа с использованием фокус-групп, а чистота итогового массива обеспечивалась алгоритмами логического контроля и жесткой фильтрацией анкет с признаками формального заполнения. Реализованный методологический дизайн позволил сформировать надежную доказательную базу, необходимую для корректной классификации латентных политических ориентиров молодежи региона.

Вместе с тем подобный дизайн исследования имеет и некоторые селективные ограничения. В исследование с большей вероятностью попадали молодые люди, обладающие устойчивым доступом к интернету, смартфону и цифровым сервисам, а также минимальной готовностью к прохождению онлайн-анкет. Поэтому молодежь с низким уровнем цифровой вовлеченности, прежде всего, часть жителей сельских территорий, респондентов из малообеспеченных домохозяйств, а также молодых людей с ограниченным и нестабильным интернет-доступом потенциально могла быть представлена в массиве слабее, чем более подключенные группы. Это обстоятельство не отменяет аналитической значимости полученных результатов, однако требует интерпретировать их, прежде всего, как описание политико-коммуникативных установок молодежи, реально включенной в цифровую инфраструктуру макрорегиона.

Существенным ограничением исследования является и то, что при охвате всех семи субъектов СКФО округа анализ в настоящей статье реализован преимущественно на макрорегиональном уровне. Хотя такой подход помогает выявить общие закономерности цифровой политической активности молодежи, он не позволяет в полной мере увидеть различия внутри отдельного региона. Подобная внутренняя неоднородность зависит от этнического и религиозного состава, силы традиционных устоев, специфики местной политики и устройства институтов социализации. Вследствие этого феномены цифровой немоты, компенсаторного цифрового участия и гендерной асимметрии в статье интерпретируются как общие паттерны, тогда как их конкретные механизмы в различных субъектах СКФО могут существенно различаться и требуют отдельного сравнительного анализа.

Результаты и обсуждение

Итак, социологический анализ, базирующийся на масштабном массиве данных, фиксирует в молодежной среде макрорегиона высокий уровень декларативной включенности в публично-политический контур. Вербальная артикуляция интереса к политике характерна для 57,5 % респондентов, в то время как субъективная самоидентификация с активной гражданской позицией достигает еще более внушительных показателей и составляет 70,1 %.

На уровне поведенческих практик эти нормативные установки конвертируются в реальные формы институционального участия. Так, 47,6 % опрошенных имеют опыт добровольческой деятельности, а 41,6 % респондентов интегрированы в экосистему молодежной политики (форумы, конкурсы, слеты). Эти параметры выполняют критически важную методологическую функцию, а именно — маркируют предел насыщения по-

тенциальной институционализации, позволяя четко дифференцировать символическое согласие с нормой гражданственности и актуальные репертуары социального действия.

В теоретическом измерении выявленная конфигурация подтверждает классическую политологическую модель публичной политики как системы двунаправленных коммуникаций в диаде «власть — общество», обеспечивающих гомеостазис политической системы через механизмы обратной связи [10]. Однако цифровая трансформация фундаментально перестраивает эту архитектуру. Онлайн-платформы эволюционируют из технических каналов передачи информации в пространство конкурентного политического позиционирования и фабрикации идентичностей. В этой новой среде традиционные институты социализации вынуждены вступать в соперничество с горизонтальными сетевыми альянсами и формами мобилизации, детерминированными алгоритмическими механиками.

Медиаландшафт респондентов характеризуется выраженной платформенной доминантой. Безусловным лидером выступает Telegram (80,0 %), существенно опережающий социальные сети (55,0 %) и традиционные новостные сайты (35,0 %). Показательно, что телевидение (30,0 %) здесь оказывается в одном ряду с развлекательным сегментом TikTok (30,0 %), утрачивая статус монопольного источника. Принципиально важным маркером цифровой компетентности и стремления к информационной автономии является тотальная распространенность инструментов обхода блокировок. Так, 94,4 % респондентов подтверждают использование VPN-сервисов или прокси-технологий, что свидетельствует о формировании навыков существования в условиях регуляторных ограничений.

Проведенный анализ фиксирует фундаментальное противоречие, согласно которому цифровое пространство воспринимается молодежью как безальтернативная инфраструктура информированности, но одновременно и как зона высокого социального и правового риска. Восприятие угрозы носит системообразующий характер. Лишь 11,1 % опрошенных считают онлайн-обсуждение общественно-политических тем безопасным для себя, тогда как 38,9 % квалифицируют его как угрозу, а половина респондентов (50,0 %) занимает выжидательную нейтральную позицию. Следствием этой презумпции опасности становится низкая легитимация собственного высказывания. Даже в условиях мягкой анонимизации готовность выразить свою позицию демонстрируют лишь 5,6 % респондентов, в то время как 44,4 % заявляют о прямой неготовности.

Сложившаяся ситуация «цифровой немоты» находит объяснение в плоскости правовой теории. В условиях цифровой реальности правовой режим неизбежно сталкивается с дилеммой балансировки свободы коммуникации и императивов безопасности. Как отмечается в современной юридической доктрине, интернет-регулирование представляет собой сложный гибрид государственного принуждения и саморегулирования [11]. В логике информационного права цифровая среда формирует особый тип общественных отношений, требующий высокой правовой определенности [12]. Именно дефицит

внятных нормативных границ, усиливаемый репрессивными ожиданиями аудитории, блокирует легитимацию публичной активности и вынуждает молодежь прибегать к стратегиям защитного самоограничения.

Судя по данным исследования, фиксируемая повседневная микроактивность остается заметной, поскольку за контрольную неделю ровно половина респондентов ставила лайки под общественно-политическим контентом, а треть оставляла комментарии. При этом переход к сопряженным с публичной ответственностью сильным формам участия происходит гораздо сложнее, так как опыт репостинга имеют лишь 16,7 % опрошенных, а созданием собственного контента занимались 33,3 % респондентов.

Важным эмпирическим открытием исследования стала фиксация обратной зависимости между уровнем институциональной инкорпорации и интенсивностью цифровой артикуляции проблем. Анализ основного массива выявил нетривиальную закономерность, согласно которой практики гражданского онлайн-реагирования статистически достоверно доминируют в среде с пониженной институциональной вовлеченностью.

Выявленная диспропорция наиболее рельефно проявляется в сегменте событийной активности, где молодежь, дистанцированная от официальных мероприятий, прибегает к инструментам цифровой артикуляции в полтора раза интенсивнее своих институционализированных сверстников (15,1 % и 10,4 % соответственно). Еще более глубокий онтологический разрыв обнаруживается на уровне самоидентификации, порождая феномен скрытого активизма, при котором респонденты, отрицающие наличие у себя активной гражданской позиции, де-факто демонстрируют существенно более высокую цифровую реактивность (16,3 %), нежели те, кто декларативно утверждает свою гражданскую субъектность (11,9 %). Дополняет этот портрет гендерная асимметрия цифрового поля, маркирующая практики полемического участия как имеющие выражено маскулинный характер с показателями 15,2 % у мужчин против 12,1 % у женщин.

Зафиксированная гендерная асимметрия требует, однако, более осторожной интерпретации. Более высокая представленность мужчин в полемических и публично-артикуляционных цифровых практиках не должна автоматически трактоваться как свидетельство преимущественно маскулинной привлекательности соответствующего контента. В условиях Северного Кавказа это различие может быть связано и со структурно неравномерным распределением допустимости публичного участия. Для части молодых женщин цифровая артикуляция позиции потенциально сопряжена с более высокими репутационными издержками, усиленным семейным контролем и более жесткими санкциями за выход в публичность. Следовательно, гендерный разрыв в цифровой политической активности следует интерпретировать не только как характеристику медийного спроса, но и как индикатор асимметрии условий публичного самовыражения, укорененной в регионально специфической конфигурации социальных норм.

В плоскости теоретической интерпретации эти данные служат доказательством гипотезы о компенсаторной сущности цифрового активизма, превращающего сетевое

пространство в альтернативный и ресурсно доступный механизм сублимации гражданского запроса для исключенных из формальных практик сегментов молодежи макрорегиона. Это обстоятельство позволяет постулировать отсутствие тождества между цифровой активностью и институционализацией, поскольку онлайн-участие часто маркирует сознательное дистанцирование от официальных структур при сохранении императива публичного самовыражения. Полученный вывод органично встраивается в дискурс современных российских политологических исследований нелинейности гражданских траекторий, допускающих, что сетевые и институциональные треки могут не просто не совпадать, но и развиваться в диаметрально противоположных векторах [13].

Верификация устойчивости выявленных корреляций посредством логит-моделирования подтвердила структурную дивергенцию траекторий участия. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что при прочих равных вероятность обращения к цифровой артикуляции значительно выше у мужчин (отношение шансов $\approx 1,30$) и ниже у групп, интегрированных в волонтерство ($\approx 0,80$) и молодежную политику ($\approx 0,91$). Таким образом, институционально интегрированные группы молодежи макрорегиона реализуют свой потенциал через признанные офлайн-форматы, тогда как цифровая среда аккумулирует протестный и проблемный дискурс менее включенного большинства.

Обобщение полученных результатов открывает возможность для концептуализации процессов легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа как сложного и неоднородного феномена, реализующегося посредством трех взаимосвязанных механизмов.

Первым выступает инфраструктурный механизм, характеризующийся превращением цифровых платформ и мессенджеров в базовую среду доступа к политической повестке при сохранении значимой доли традиционного формата телепросмотров в массовом сегменте. Данная гибридность формирует модель двухконтурной социализации, в рамках которой легитимность цифровых практик не является априорной данностью и постоянно соотносится с конкурирующими режимами доверия к различным источникам информации.

Действие институционально-альтернативного механизма проявляется в том, что практика цифровой артикуляции проблем коррелирует не с усилением институциональной включенности, а с ее дефицитом, что находит свое подтверждение в более низких показателях вовлеченности в волонтерство и молодежные мероприятия на фоне ослабленной самооценки гражданской позиции. Это позволяет рассматривать часть цифровой активности как функциональную альтернативу официальным форматам участия, а не как их прямое продолжение или дополнение.

Функционирование нормативно-правового механизма раскрывается через данные пилотного модуля, демонстрирующие, как субъективное восприятие небезопасности онлайн-обсуждений и низкая готовность к публичным высказываниям сдерживают переход от реактивного участия в виде лайков к публично-распространительным прак-

тикам создания контента. В юридической плоскости данная проблема перекликается с вопросами правовой определенности и поиска баланса между государственным контролем и саморегулированием, дефицит которого, согласно современной российской правовой доктрине, провоцирует эффекты самоограничения пользователей и их уход в теневые зоны коммуникации [14].

Представленный эмпирический анализ доказывает, что институционализация цифровой политической активности молодежи северокавказского макрорегиона не сводится к линейному росту онлайн-вовлеченности, а представляет собой глубокое структурное расслоение. В то время как цифровая инфраструктура массово используется для информирования и слабых форм участия, публично-артикуляционные практики остаются социально дифференцированными, а их легитимация детерминирована сложной конфигурацией институциональных альтернатив, субъективных оценок безопасности и действующих нормативно-правовых рамок.

Выводы

Осуществленное концептуальное осмысление цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа позволяет интерпретировать их не как сумму разрозненных сетевых реакций, а как целостный, но внутренне противоречивый социокультурный феномен, динамика которого определяется сложным взаимодействием процессов легитимации и институционализации.

Раскрывая специфику легитимации, необходимо констатировать наличие фундаментального нормативного разрыва, проявляющегося в том, что цифровая среда, утвердившись в статусе безальтернативной инфраструктуры политического информирования, так и не обрела в массовом сознании молодежи Северного Кавказа статуса безопасного пространства для публичного действия. Это порождает феномен цифровой немоты, понимаемой как социально воспроизводимое состояние ограниченной публичной субъектности, при котором информированность и латентная включенность не переходят в открытое гражданское высказывание. Его формирование обусловлено не только доминирующей презумпцией рискогенности и дефицитом правовой определенности, но и слабостью институционально признанных каналов цифровой артикуляции, а также социокультурными ограничениями публичного самовыражения молодежи. В результате онлайн-участие часто ограничивается пассивным потреблением контента, слабыми реакциями и стратегиями защитного самоограничения, не трансформируясь в устойчивую норму открытого гражданского действия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о несовпадении траекторий легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа. Эмпирически фиксируются ситуации, при которых цифровые практики получают ограниченное признание внутри конкретных сетевых сред, но не конвертируются в общественно признанную норму публичного гражданского действия. Вместе с тем наблюдаются и обратные случаи, когда определенные формы сетевой ко-

ординации, повторяющегося взаимодействия и распределения ролей уже приобретают признаки институциональной устойчивости, хотя за пределами собственных коммуникативных контуров сохраняют спорный, ограниченный или фрагментарный статус легитимности. В этом смысле институционализация не всегда является прямым следствием полной легитимации. Она может носить локальный и сегментарный характер, формируясь как внутри признанных, так и внутри еще не оформившихся режимов цифрового участия.

Анализируя траектории институционализации, следует определить их характер как преимущественно компенсаторный и альтернативный, поскольку сетевые структуры, аккумулируя социальную энергию групп, исключенных из привычных форматов, способствуют кристаллизации новых горизонтальных моделей самоорганизации. Данная теневая институционализация, развиваясь вне государственного контура и часто в противовес ему, создает условия для формирования автономных субъектов политического действия, чьи ценностные ориентиры и поведенческие паттерны остаются непрозрачными для традиционных инструментов управления.

Синтезируя эти наблюдения, можно заключить, что перспективы бесконфликтной интеграции цифровых форм политической активности молодежи северокавказского макрорегиона в правовое и общественное поле зависят от преодоления дивергенции между официальными и сетевыми треками социализации. Достижение этой цели требует создания инклюзивной экосистемы, обеспечивающей не только процедурную институционализацию новых медийных практик через понятные правовые режимы, но и их глубинную ценностную легитимацию, позволяющую молодежи Северного Кавказа конвертировать свой высокий технологический потенциал в конструктивное гражданское сотворчество без страха перед публичностью.

Вклад авторов

Ганич А. Э.: концептуализация исследования; формулирование основной идеи, гипотезы, цели и задач; разработка теоретико-методологической рамки; интерпретация результатов; подготовка и научное редактирование текста.

Шапалов А. В.: организация и проведение эмпирического исследования; сбор, систематизация и анализ материалов; участие в разработке методологии; участие в написании статьи.

Authors' contributions

Alexander E. Gapich: conceptualization of the study; formulation of the key idea, hypothesis, aim and objectives; development of the theoretical and methodological framework; interpretation of the results; preparation and scientific editing.

Alexey V. Shapovalov: organization and implementation of the empirical study; collection, systematization and analysis of materials; participation in methodology; participation in writing.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Рыжкова, М. В. Институциональная природа цифровых платформ / М. В. Рыжкова, М. В. Чиков. – Текст : непосредственный // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2019. – № 4. – С. 72–80.
2. Брега, А. А. Особенности легитимации политической власти в условиях становления сетевого общества / А. А. Брега. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 3 (848). – С. 18–22.
3. Иванова, С. Ю. Гражданская позиция как индикатор политической социализации молодежи Северо-Кавказского федерального округа / С. Ю. Иванова, М. М. Шульга, Э. Р. Ягьяев. – Текст : непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 5 (118). – С. 14–20.
4. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16.
5. Абгаджава, Д. А. Проблемы легитимизации и институционализации конфликтов в современной России / Д. А. Абгаджава. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 64–70.
6. Талапина, Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы / Э. В. Талапина. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 18–32.
7. Бачило, И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности / И. Л. Бачило. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 5–16.
8. Соловьев, А. И. Латентный функционал публичной политики / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 57–79.
9. Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – № 4. – С. 65–69.
10. Нисневич, Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы / Ю. А. Нисневич. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1 (6). – С. 68–80.
11. Купцова, А. С. Правовое регулирование использования интернета вещей / А. С. Купцова. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 225–230.
12. Институционализация цифровизации: правовые проблемы и перспективы / Н. А. Шеяфетдинова, С. С. Гостев, А. А. Ильягуева, О. В. Игнатова. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 69–72.
13. Абрамова, С. Б. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию / С. Б. Абрамова, Н. Л. Антонова. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – № 2. – С. 18–22.
14. Зуев, С. В. Государственный контроль в цифровой среде уголовного судопроизводства / С. В. Зуев. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 3. – С. 29–36.

References

1. Ryzhkova, M. V., Chikov, M. V. (2019). The institutional nature of digital platforms. *Bulletin of BSU. Economics and Management*, (4), pp. 72-79. (In Russ.).
2. Brega, A. A. (2022). Features of political power legitimation in the context of network society formation. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (3), pp. 18-22. (In Russ.).
3. Ivanova, S. Yu., Shulga, M. M., & Yagiyaev, E. R. (2023). Civic position as an indicator of political socialization of youth in the North Caucasian Federal District. *Society: Politics, Economics, Law*, 5(118), pp. 14-20. (In Russ.).
4. Khabrieva, T. Ya. (2018). Law facing the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 9(261), pp. 5-16. (In Russ.).
5. Abgadzkhava, D. A. (2008). Problems of legitimization and institutionalization of conflicts in modern Russia. *Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations*, (4), pp. 64-70. (In Russ.).
6. Talapina, E. V. (2021). Comparative digital law: Formation and prospects. *Journal of Russian Law*, (9), pp. 18-32. (In Russ.).
7. Bachilo, I. L. (2016). Conceptual framework of information law and information security system. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, (3), pp. 5-16. (In Russ.).
8. Soloviev, A. I. (2022). Latent functionality of public policy. *Political Science*, (3), pp. 57-79. (In Russ.).
9. Brodovskaya, E. V. (2019). Tsifrovye grazhdane, tsifrovoe grazhdanstvo i tsifrovaia grazhdanstvennost' [Digital citizens, digital citizenship and digital civility]. *Vlast' [Power]*, (4), pp. 65-69. (In Russ.).
10. Nisnevich, Yu. A. (2006). Information and communication stabilization of the political system. *RUDN Bulletin. Series: Political Science*, (1), pp. 68-80. (In Russ.).
11. Kuptsova, A. S. (2021). Legal regulation of the internet of things use. *Education and Law*, (7), pp. 225-230. (In Russ.).
12. Sheyafetdinova, N. A., Gostev, S. S., Ilyagueva, A. A., Ignatova, O. V. (2023). Institutionalization of digitalization: Legal problems and prospects. *Law and State: Theory and Practice*, 7(223), pp. 69-72. (In Russ.).
13. Abramova, S. B., & Antonova, N. L. (2023). Youth engagement in digital civic activism: From online clash to participation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (2), pp. 18-22. (In Russ.).
14. Zuev, S. V. (2024). State control in the digital environment of criminal proceedings. *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, (3), pp. 29-36. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the author

Гапич Александр Эрикович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, eversor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9987-8600

Шаповалов Алексей Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, alex-shapoval@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9990-4808

Alexander E. Gapich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, eversor@mail.ru.

Alexey V. Shapovalov Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, alex-shapoval@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 21.02.2026

Принята к публикации / Accepted 26.02.2026